

Публичная политика как операция прикрытия

Казалось бы, чего сегодня не хватает в России для публичной политики? Стопроцентно грамотный народ, полная открытость миру, какой-никакой опыт какой-никакой рыночной экономики, какой-никакой политический опыт...

Так нет же, под аплодисменты большинства и злорадство меньшинства публичную политику постепенно прикрывают. И она, эта политика в лице партий, общественных организаций, субъектов Федерации, парламента, судебной системы (в той мере, в которой эта последняя связана с публичной политикой), не сопротивляется.

Можно поставить и другой принципиальный вопрос. Русская публичная политика 1905–1917 гг. закончилась из-за негативных последствий войны, которую страна не выдержала, или же была обречена на неудачу по причинам, так сказать, органическим? Иначе говоря, свидетельствует ли неудачный опыт «русской публичной политики-1» о ее невозможности на Руси вообще? Или лишь о «ситуационном провале»? «Рано» было? Не все условия вызрели? Действительно, здесь есть что обсуждать. Однако на это «есть» есть и ответ: закат «русской публичной политики-2» (1989–1991 – 2005–? гг.), который совершается на наших глазах.

«Я» и «Мы»

В конце 20-х гг. русский политический мыслитель Н.Н. Алексеев писал, что Советское государство «отправным пунктом своим считает не отдельного активного гражданина, образующего вместе с другими гражданами неорганизованную массу народа», а некие коллективы – «городские и сельские советы... из которых образуются все остальные органы» этого государства. Следовательно, первоначальным атомом западного строения являлось политико-юридическое «Я», коммунистического – «Мы». При коммунистах «отдельного активного гражданина» задавили с помощью Советов («территориальных мелких организмов» – коллективов), сегодня – планируют через партийные списки. И в том, и в другом случае общая технология и общая цель: установить такой порядок, при котором отдельный человек будет подчинен какой-то коллективной воле.

Но советская система по своей природе не предполагала камуфляжного, декоративного выбора между не то чтобы альтернативными позициями, даже между «оттенками». А постсоветская путинская «управляемая демократия», напротив, предполагает выборы. Более того, провозглашает их главным механизмом легитимации и легитимизирования власти. Соответственно, так высоко поставив выборы, Русская Власть не может пустить их на самотек. Она ведь знает, «из какого сора» все у нас растет. Она видела русского человека в 90-е годы. Вот и говорит ему: будешь меня выбирать, получишь три-четыре-пять партий, по телевизору скажут, каков должен быть уровень поддержки каждой. Хотя об этом и местное начальство позаботится.

Правда, крупные государственные деятели и известные политологи полагают, что пропорциональная система поспособствует рождению у нас настоящих, крепких политических партий. И тогда наша демократия сможет опираться на них, станет стабильной, устойчивой, предсказуемой... Думаю, что опровергать это не имеет смысла. Зачем спорить с очевидным лукавством или с очевидной... неадекватностью.

Еще относительно того, почему в России публичная политика не приживается. На Западе практически все публично-политическое и властно-бюрократическое вписано в конституции. Или иначе: публично-политическое и властно-бюрократическое не выходят за пределы конституционного поля, а сами эти пределы суть барьеры, которые – принципиально – преодолевать нельзя. Причем это поле по своей природе институциональное, то есть регулирует деятельность институтов, «предполагает» их наличие. За границами конституционного поля ни публичной политике, ни государству (state) делать нечего, их туда не пускают. За этими границами – экономика, культура, религия, privacy etc. Это не означает, конечно, что конституции никак не касаются этих сфер жизнедеятельности человека и общества. Касаются. Но политику и власть туда не пускают.

У нас по-другому. Русской Власти до всего есть дело. Даже сегодня, во многом изменившись, во многом потеряв моносубъектность и всеохватность, она не оставляет своих былых привычек, верна главным своим традициям, а ее нынешний персонификатор – несмотря на «Курск», «Норд-Ост», Беслан и пр. – твердо заявляет: «Я здесь (читай, в России. – Ю.П.) отвечаю за все». И говорится это не ради красного словца. Это адекватное заявление адекватного русского лидера (каковым Владимир Владимирович Путин является; такого и призвали на власть). Правда, реализовать эту ответственность за все в современных условиях Русской Власти архисложно.

О «цветущей сложности»

Так возможна ли в России публичная политика или нет? Ответ остается открытым. Публичная политика существует в тех странах, где давно уже признана «абсолютная реальность индивидуального бытия», где «право частной собственности и... свобода договорных отношений представляется «естественным», онтологически первичным, доправовым состоянием, которое лишь упорядочивается в праве; напротив, общественное единство, связь между людьми, сопринадлежность их к общественному целому мыслится как производное... объединение, взаимное связывание того, что по существу всегда раздельно и обособленно, – отдельных индивидов». Это слова русского философа С.Л. Франка.

А у нас ничего этого нет. И человек, и общество устроены иначе. Другим является и господствующий тип мышления. Недаром в таком фаворе у современной интеллигенции Иван Ильин, евразийцы, etc.

Другой, как минимум не менее важный отрицательный фактор для становления русской публичной политики – экономическая составляющая истории Отечества. Здесь я обращаюсь к наработкам двух исследователей: маститого академика Л.В. Милова и молодой и еще не очень известной О.Э. Бессоновой (Новосибирск).

В своей книге «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» (М., 1998) Л.В. Милов исследует русское общество, его повседневную жизнь, хозяйственную деятельность XV–XVIII веков. Но все наши публичные (и непубличные тоже) политики не могут быть поняты вне этого контекста.

Экстенсивное земледелие в тяжелых, северных климатических условиях, в лесной зоне (степь фактически до последней трети XVIII века у кочевников), то есть земледелие «впервые», когда гумус только создается, земледелие подсечное и «кочевое», нехватка населения и рабочих рук – таков «background» русской истории. Потому, пишет Л.В. Милов, не «случайно», не по «злой воле» складывается здесь самодержавно-крепостнический порядок. Система крепостного права органично присуща такому обществу, поскольку иначе не удержать крестьян там, где условия для земледелия неблагоприятны, и соответственно не получить необходимый для общества минимум совокупного прибавочного продукта. Отсюда и возникновение на территории исторического ядра России определенного типа государственности.

И еще одно обстоятельство, важное для темы публичной политики на отечественной почве. Известно, что современное западное общество полисубъектно, в нем множество социально значимых, независимых «акторов». Но его полисубъектность стала лишь продолжением (расширением, усложнением, хотя в XIX веке казалось – упрощением) полисубъектности средневекового феодального социума, в котором можно обнаружить и институт частной собственности, и корпорации, защищающие права и жизнь своих членов, и ограничения власти королей, и суд, и независимую влиятельную церковь... И многое-многое другое, свидетельствующее о сложном (вспоминается леонтьевская «цветущая сложность»), дифференцированном, полицентричном характере средневекового Запада. Так вот, при ограниченном размере совокупного общественного продукта эта сложная социальная структура, по мысли Л.В. Милова, возникнуть никак не могла.

Вот почему у нас не сложилась крепкая, влиятельная, независимая феодальная аристократия, которая практически всегда в Европе ограничивала королевскую власть. Вот почему у нас не сложилась крупная феодальная частная собственность, которая могла бы «не допустить» возникновения патримониальной власти, то есть Власти-собственности. Так что наша «сложность», может, и была «цветущей», но – не очень сложной. Я бы, поправив горячо любимого Константина Леонтьева, сказал: «служебная сложность».

Экономика раздатка

Не менее важна для уяснения «истоков и смысла» русской публичной политики концепция «раздаточной экономики», выдвинутая О.Э. Бессоновой в 90-е гг. Суть этой концепции в том, что «наряду с рыночными экономическими системами существуют отличные от них, но столь же жизнеспособные и имеющие свои собственные законы развития – раздаточные экономики (выделено мной. – Ю.П.)». Если в рыночной системе

клеткой социально-экономического организма является товар, то в раздаточной системе – раздаток, то есть объект сдач и раздач. Раздача – это процесс передачи материальных благ, ресурсов или услуг «из единой собственности во владение различных субъектов хозяйственной жизни». Сдача – «обратная передача» в распоряжение всего общества вновь созданных или имеющихся материальных благ, услуг и ресурсов от всех хозяйственных субъектов и частных лиц. Безусловно, на такой экономической основе публичная политика вырасти не может.

В рамках своей теории О.Э. Бессонова выдвинула гипотезу, что «экономическая система России имеет природу раздаточной системы на протяжении всей ее экономической истории с X по XX век, а экономическая эволюция в России есть эволюция институтов раздаточной экономики (выделено мной. – Ю.П.)»; в переходные периоды эти институты модернизируются путем усвоения рыночных элементов.

«Раздаточная экономика» позволяет понять многое не только из истории отечества, но и в том, что происходит сегодня. В самом деле, а «вдруг» и наша публичная политика есть лишь «прикрытие» модернизации традиционной русской властной системы? И тогда можно сказать: очередной переходный период заканчивается. Россия, используя в целях экономической и политической модернизации институты и механизмы рыночного хозяйства западного типа и публичной политики, «возвращается» на круги своя – хотя при этом, стремясь «соответствовать» современному миру и задающему в нем тон Западу, решая попутно некоторые свои (точнее, господствующих групп) задачи, сохраняет определенные элементы как «рынка», так и публичной политики.

Или несколько иными словами: публичная политика в России максимально «предполагает» неполитическое. То есть с точки зрения политической – неправильное. Вместе с тем русская публичная политика – это прикрытие неполитических по своей сути процессов. Это – перевод на европейский язык неевропейского содержания.

Власть на рынке власти

Но что же прикрывает собой русская публичная политика? Какое неевропейское содержание переводит она на европейский язык?

Социолог Симон Кордонский в интервью журналу «Отечественные записки» (2004, № 2) отметил, что в постсоветской экономике, которая вся основана на выставлении на рынок разного рода ресурсов, начиная примерно с 1997 г. основным предметом торга стала сама власть.

В контексте нашей темы можно сказать: публичная политика в России выражает и отражает этот тип рыночных отношений, выражает и отражает интересы участников этого процесса раздела и передела. Сужающееся же ныне пространство публичной политики, редукция его «акторов» вполне корреспондирует складывающемуся «дефициту» выставляемых на «продажу» ресурсов. Но это также связано с тем, что именно власть господствует на административно-ресурсном рынке. Причем этот рынок сложился еще в стародавние советские времена. Попутно заметим: следовательно, «русская публичная политика-2» вырастает из коммунистического прошлого, политически оформляет и «прикрывает» то, что сформировалось в недрах «реального социализма».

...Собственно говоря, всего этого достаточно, чтобы утверждать: судьба публичной политики в России весьма неопределенна. С одной стороны, это, как уже отмечалось, «операция прикрытия», с другой – эссенция русской жизни порождает, требует, предполагает в некоторые эпохи именно такие формы своего (этой самой эссенции) бытования. Именно такие, а не иные. И, думаю, что закат «русской публичной политики-2» есть закат лишь «русской публичной политики-2». Не более того, но, увы, и не менее...

Автор: Юрий Пивоваров © Независимая газета ПОЛИТИКА, РОССИЯ 👁 3007 07.02.2006, 17:18 📌 186
URL: <https://babr24.com/?ADE=27707> Bytes: 12121 / 12093 [Версия для печати](#)

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)

